

С.П. Т ю х т е н е в а

**“ЯПОНСКИЙ СЛЕД”
В АЛТАЙСКОМ БУРХАНИЗМЕ:
ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Многие исследователи, писавшие о бурханизме у алтайцев, по следам событий и позже, отмечали несколько причин возникновения этого движения и его составных частей. Суммируя мнения, можно выделить следующие причины: 1) политико-социально-экономическая, в том числе земельный вопрос и национально-освободительное движение (например, А.В. Анохин, Л.П. Мамет, Л.П. Потапов); 2) объективная необходимость религиозной реформы в условиях политической и социально-экономической модернизации в России начала XX в. (в частности, Д.А. Клеменц, А.Г. Данилин, Л.П. Потапов); 3) этноконсолидационная – как конфессиональная форма осознания и позиционирования этнической общности “алтай кижы” (А.Г. Данилин, Л.И. Шерстова).

Для основных “фигурантов” в деле обвинения бурханистов со стороны деятелей Алтайской православной миссии причиной ареста и процесса была “прояпонская шпионская” направленность движения. Именно этим деятелям принадлежит появление “нового” персонажа в фольклоре бурханистов “Япон-хан” и “нового” же топонима “Токио”, своеобразного перевода названия местности “Бурул-Токой”.

Судя по имеющейся литературе, в столице России на эту “причину”, после наведения соответствующих справок в губернском центре, просто не обратили внимания, восприняв ее как естественную реакцию на русско-японскую войну. Однако, для алтайских миссионеров и полицейских “японский” след послужил основанием для предпринятых ими решительных действий.

На протяжении последующих ста лет ни один из исследователей, изучавших бурханистское движение, не обратил должного внимания на вопрос о действительном наличии или отсутствии “руки Токио”. Вместе с тем, все, кто писал о бурханизме, непременно упоминают о том, что русско-японская война 1904–1905 гг. наложила на него отпечаток. Каков был характер японского воздействия – политико-дипломатический или финансовый, никто не упоминает. Судя по литературе, посвященной дипломатическим взаимоотношениям России со странами Дальнего Востока и Центральной Азии, соперничество России с Англией за влияние на этой территории продолжалось и в начале XX в. (*Романов 1947; Павлов, Петров 1993*).

Нельзя не сказать о том, что проблема “прояпонского шпионажа” в ходе подготовки японцев к войне и во время войны неоднократно рассматривалась как ответственными, так и зарубежными исследователями.

Для того, чтобы ответить на вопрос, были ли на самом деле лидеры алтайского бурханизма ангажированы японской стороной, я обратилась к документам и исследованиям, посвященным истории русско-японской войны 1904–1905 гг.

Позицию Японии при финансировании антицарского революционного движения России наилучшим образом иллюстрирует высказывание генерала М. Тераучи: “Во время войны все средства вредить врагу – хороши” (*Павлов, Петров 1993: 67*). Япония выделила за годы войны не менее 1 млн. йен для финансирования революционных и оппозиционных партий России (Там же: 67). В ходе подготовки к войне особо активно, как следует из документов охранного отделения российской полиции, Де-

Светлана Петровна Тюхтенева – кандидат исторических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН.

партамента полиции, министерства иностранных дел, на территории России и стран Западной Европы действовал полковник Мотодзиро Акаси (Акасихи/Акаши), служивший в 1902–1904 гг. военным атташе в России. Департамент полиции еще в ноябре 1904 г. завел особое дело “О предосудительной деятельности против России японского полковника Акаши и его сотрудников Деканози, Зельякуса и др.” В 1906 г. вышла в свет брошюра “Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства”, содержащая фотокопии писем Акаси, К. Циллиакуса – организатора и руководителя Финляндской партии активного сопротивления и Г.Г. Деканозова – лидера Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. Речь в письмах шла о закупке и нелегальной отправке в Россию большой партии оружия (Там же: 7).

Историки (Д.Б. Павлов и С.А. Петров), изучавшие соответствующие документы, пришли к выводу: “правительство Японии стремилось воздействовать на внутривнутриполитическое положение России с тем, чтобы ...настолько накалить внутривнутриполитическую обстановку в России, чтобы царизм уже не мог более вести войну на два фронта – с врагом внешним и внутренним” (Там же: 67). Конфликт между Россией и Японией был основан на стремлении каждой стороны установить свой контроль над Маньчжурией и Кореей (*Романов* 1947: 6–54). Кроме того, для царской дипломатии номером один в интересах самодержавия на Дальнем Востоке был Китай, “за спиной которого отчетливо выступала тень Англии”, а Японию недооценивали как “маленькую” страну, в которой живут, по словам Александра III, “обезьяны, играющие в европейцев”¹.

Политические и экономические перспективы России, которые предусматривались завершением строительства Сибирской железной дороги, затмили факт опасности подобного строительства, вытекавшей из планов “континентальной” Японии, вынашивавшихся с 1879 г. (Там же: 21). Задолго до русско-японской войны противная сторона имела широко разветвленную шпионскую сеть на территории Маньчжурии, северного Китая, Кореи и южных хошунов (районов) Монголии. Готовясь к войне с Россией, Япония израсходовала на подготовку военной агентуры 12 млн. руб. золотом (*Павлов, Петров* 1993: 319).

Следующий, немаловажный факт, освещающий вопрос о “прояпонской” деятельности бурханистов, – это вопрос, воздействовало ли на бурханистское движение бегство Тринадцатого Далай-Ламы в 1904 г. из Лхасы в Ургу (современный г. Улан-Батор) после вторжения английских войск в Тибет. Далай-Лама рассчитывал на помощь России, это подтверждают его слова: “Все тибетцы и монголы должны держаться только одного народа, именно русских и ни в коем случае не китайцев, англичан и японцев” (Там же: 218). Имея сведения о том, что Далай-Лама был готов перейти под покровительство России и переселиться в один из дацанов Забайкалья, командование российской армии хотело использовать эту ситуацию “для установления более тесных отношений с монголами и для усиления нашего авторитета в их глазах”. Для реализации этого проекта планировали привлечь “тайного советника Позднеева, известного в России знатока Монголии и Дальнего Востока”. Однако, проект не состоялся: был получен отказ министра иностранных дел и наместника его величества на Дальнем Востоке. Таким образом, по словам главнокомандующего генерала от инфантерии Ливаневича, был упущен “может быть, навсегда случай получить возможность влиять в наших политических целях на весь религиозный мир Монголии, и, напротив того, восстанавливая религиозный центр в Лхассе, находящийся под непосредственным влиянием англичан, передаем это оружие в их руки” (Там же: 219).

По свидетельству самих военных, прояпонским шпионажем, помимо самих японцев, промышляли в основном безработные китайцы, в том числе неграмотные крестьяне. Немало было и европейцев, находившихся на фронте и в российском тылу. Так, в докладе военного следователя 3-й Маньчжурской армии от 5 сентября 1905 г. сказано, что в Екатеринославле были задержаны двое австрийских подданных, получавших при помощи подкупа писарей воинского начальника данные о ходе мобилизации. Японские агенты также были задержаны на многих станциях Сибирской железной дороги (Там же: 266). В документах говорится о разного рода людях, “ищущих приключений в ожидании легкой наживы” и наводнивших прифронтовые районы и район боевых действий армии в Маньчжурии: “Тут были и бывшие сахалинцы..., беглые каторжники..., евреи, кавказцы, греки, турки, армяне, немцы, французы, англичане..., и не удивительно, что среди этих иностранцев-авантюристов было и немало японских шпионов” (Там же: 236).

Разумеется, и Россия пользовалась услугами иностранцев – европейцев и китайцев – за немалое вознаграждение поставлявших сведения о противнике как в самой Японии, так и на территории военных действий. Самую главную проблему российской армии в годы войны составляло отсутствие переводчиков, знающих не только устную японскую, корейскую, китайскую, монгольскую речи, но и письмо.

Ни в одном официальном документе я не нашла сведений о том, что территория Русского Алтая представляла геополитический интерес для Японии. Даже в планах Японии речь шла только (как уже было сказано выше) о территории Кореи, Маньчжурии, северного Китая и южной Монголии. Возможно предположить, что и сейчас Западная Монголия и Алтай не столь интересны для Японии. Исследователи “страны восходящего солнца” пытливно изучают Крайний Север и Дальний Восток России. Об этом можно судить по публикациям японцев в отечественных и международных изданиях, посвященных языкам, культурам народов указанных регионов, в том числе касающиеся такой стратегической темы, как традиционная система жизнеобеспечения в специфических природных условиях.

У обозначенной проблемы есть и другая сторона: если не было внешнего, японского, интереса к Алтаю, то, может быть, имелся внутренний, алтайский интерес к Японии. Для рассмотрения этого аспекта я обратилась к обширной статье Л.Я. Штернберга, авторитет которого во многих вопросах сибирской этнографии по сей день непрекаем. Приведу цитату из его очерка “Инородцы. Общий обзор”, опубликованного в сборнике “Формы национального движения в современных государствах” (*Кастелянский* 1910: 531–624). Задачей этого очерка Штернберг называет обзор национального пробуждения в среде инородческих племен, “которые в период освободительного движения вступили или, по крайней мере, в той или другой степени двинуты были на путь национального самоопределения” (Там же: 532–533). Для характеристики того процесса, что происходил на территории великой Российской империи в то время, автор выбрал наиболее верный лозунг – свобода, самоопределение, автономия и возрождение. В 1904 г., пишет Л.Я. Штернберг, “произошло событие, одинаково подготовившее и эру свободы, и взрыв национального пробуждения – это японская война. Беспрецедентные поражения русской армии и флота ни на кого не производили такого потрясающего впечатления, как на инородцев. Каждое из инородческих племен испытало на себе в той или иной степени мощь русского оружия... Никто так не идеализировал военной мощи России, как инородцы... Поражения русских принимались суеверными инородцами, как кара Божия за нанесенные им обиды, а мощное возрождение маленькой Японии казалось символом их собственного национального возрождения. Инстинктивно чувствовалось ими, что за неудачной войной, в конце дискредитировавшей старые порядки, должна наступить новая эра новых отноше-

ний к власти. События оправдали эти предчувствия... *Замечательный факт: в этот бурный момент не раздалось ни одного сепаратистского голоса, все народы были охвачены одним чувством, все жаждали только свободы, все жаждали национального самоопределения!*" (Там же: 535–536) (Курсив мой. – С.Т.).

Лидеры национальных движений провозгласили борьбу за так называемое “внутреннее” самоопределение, подразумевающее самоуправление, доступность участия в управлении своим развитием и контроль над ресурсами, в отличие от сецессии, или “внешнего” самоопределения, т.е. права на отделение от того государства, в политической системе которого нарушаются базовые права индивида и коллектива, происходит процесс дискриминации и лишения права на свободное развитие и управление ресурсами. Интересы каждого из народов, о которых ведет речь исследователь, были в целом аналогичны общерусским политическим требованиям. Но были и особенные, характерные для инородцев, проживавших на окраинах империи. Так было у казахов, калмыков, бурят и якутов – их ожидали не только “потеря последних остатков самоуправления, ...исконных земельных владений и, как неизбежное последствие, разрушение хозяйственного строя и разорение”. Подобные проблемы стояли и перед алтайцами. Но у них, помимо прочего, решающими в национальном вопросе стали проблемы религиозные (как и у мордвы, удмуртов, чувашей). Л.Я. Штернберг ссылаясь на миссионера Н.И. Ильминского, который говорил, что “по взгляду шаманствующих инородцев христианская вера – есть *русская* вера; священник тот же шаман; молитвы – те же шаманские заклинания. Поэтому шаманствующие инородцы не отрицают христианства, а только признают его верой не *своей*, а русской, по сему вопрос об обращении ограничивается для них переменной народности” (Там же: 540). (Курсив автора)².

И еще одно, весьма важное замечание Л.Я. Штернберга о религии: “Наконец, источником вечного национального раздражения является агрессивная деятельность миссионеров, вызывающая необходимость в постоянных мерах самообороны и самодеятельности, в конечном итоге только укрепляющих и углубляющих чувство религиозно-национального самосознания... И вечная опасность потери своего религиозного достояния, постоянная необходимость самообороны не могли, понятно, не содействовать национальному цементированию и самосознанию” (Там же: 542–543).

Таким образом, исследователи, описывавшие бурханизм и по горячим следам, и впоследствии, обрисовали целостную многокомпонентную ситуацию, вызвавшую движение.

Религиозная реформа, сопротивление проводимым с 1899 г. землеустроительным работам, процесс этнической консолидации южных алтайцев не могли возникнуть одновременно. По описанию Г.Н. Потанина “В 1893 г. в Алтае началось религиозное движение в пользу нового учения, которое начал проповедывать алтаец Чет Челпанов, житель долины Чарыша (выше Кана).” (*Сапожников* 1926: 21–22)³. Принимая во внимание эту дату, можно уверенно говорить о том, что за 11 лет в общественном сознании могли произойти такие фундаментальные трансформации, которые привели к осознанию молодым алтайским этносом своей общности и в сфере политико-социальных интересов, и в религиозной.

Логично также, что пик развития событий пришелся на начало лета 1904 г., в период, когда поражения российской армии следовали одно за другим. Представляется случайным сообщение некоего Оксенова томскому прокурору, цитируемое А.Г. Данилиным, о том, что “...калмыки ему говорили, ... что по окончании войны, которую теперь ведет русский царь, они будут отданы другому царю” (*Данилин* 1993: 91). В разгар русско-японской войны было очень удобно с тактической точки зрения выступить с требованием своих прав на землю, самоуправление и свободу вероиспове-

дания. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться лидеры бурханистов. Алтай был частью Российской империи и все, что происходило в ней, отражалось и здесь. Также вполне логично, что мифологические и реальные персонажи были в народном сознании объединены в один образ Бурхан-Ойрот-Япон-хан. Такой персонаж мог сложиться в бурханистском фольклоре алтайцев как единый образ, включивший в себя императора Японии как противника императора России, наказывающего последнего за учиненные инородцам обиды; легендарного “царя Ойрота”, пробуждавшего воспоминания о джунгарском “золотом веке”; Бурхана – божества “освободителя” от притеснений.

У нас нет оснований утверждать, что Япония могла бы иметь своих агентов в среде алтайцев, ибо у нее не было ни притязаний, ни геополитического интереса к территории Алтая. Но вполне возможно говорить о “внутреннем факторе” – интересах алтайцев: Япония, как выразился Л.Я. Штернберг, стала *символом* победы маленькой, слабой страны над большой, могущественной империей.

Примечания

¹ См. ссылку 2 на дневник В.Н. Ламсдорфа 1891–1892 годов, С. 215–216 (Романов 1947: 22).

² В качестве примера, подтверждающего эту мысль, могу привести такой факт: результатом более чем столетней деятельности Алтайской духовной миссии на территории села Улалы, впоследствии г. Горно-Алтайска, стало не только принятие христианства жившими здесь алтайцами, но и обрусение их детей и внуков.

³ Очерк Потанина Г.Н. использован в работе проф. Сапожникова “Пути по Русскому Алтаю” (Сапожников 1926: 21–22).

Литература

Данилин 1993 – Данилин А.Г. Бурханизм. (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск, 1993.

Кастелянский 1910 – Формы национального движения в современных государствах. Сб. ст. под редакцией А. Кастелянского. СПб., 1910.

Павлов, Петров 1993 – Тайны русско-японской войны. Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция; Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы / Сост. И.В. Деревянко. М., 1993.

Романов 1947 – Романов В.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М., 1947.

Сапожников 1926 – Сапожников В.В. Пути по Русскому Алтаю. Новосибирск, 1926.